

ВЫСОКИЙ, сухощавый, он крупным шагом вошел в кабинет, бросил на кожаный диван пачку книг. Долго кашлял, тяжело и надрывно. Ссутулившись, направился к столу. С краю — горка пришедших писем, пакетов, бандеролей. Он привычным жестом вскрывал конверты, прочитывая листки бумаги, откладывал в сторону.

Над анкетой Издательства писателей в Ленинграде Горький задержался. Он сидел, пощипывая усы, с любопытством вчитывался в вопросы. Их было шестнадцать — больших и малых, сложных и простых, замысловатых и курьезных: «что Вам дает первый импульс к работе?»; «техника письма: карандаш, перо, пишущая машинка?», «как влияют на Вас какое-нибудь влияние рецензии?»...

Алексей Максимович взглянул на часы. Время до обеда свободное. Взял большие листы бумаги, начал писать ровным почерком. Мысль уходила в прошлое и в то же время обращалась к будущему. Слово ложилось к слову — лист заполняли ровные фразы, без зачеркиваний, без помарок.

Те, кто составлял анкету, получив ответ, решили, что теперь можно представить себе, как работает Горький. Ведь писатель ответил даже, «какие наркотики и в каком количестве потребляет во время работы», какова у него «производительность» в месяц!

Ответы на вопросы есть. Но есть ли представление о труде писателя? Пожалуй, нет. Потому что ни схема, ни вопросник не приоткроют дверь в мастерскую писателя. Ибо творчество — жизнь, анкета — документ, выхватывающий лишь отдельные эпизоды из этой жизни, часто разрозненные, а порою несущественные. И все-таки можно ли заглянуть хоть чуть-чуть в лабораторию художника? Для этого есть не только анкета, но и его письма, воспоминания о нем современников...

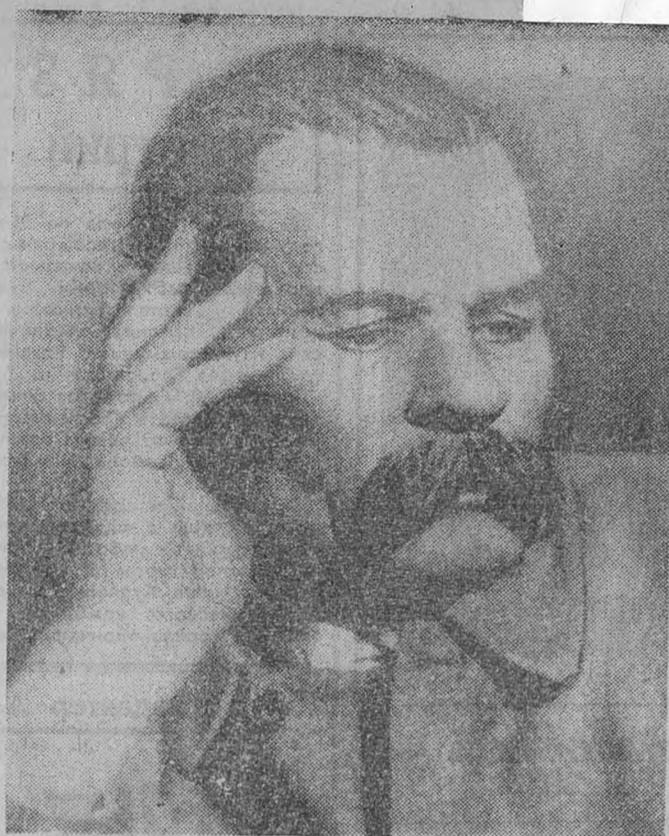
Трудно представить Горького без скитаний в юности, без мытарств по белу свету в зрелые годы. А в этом — какают частицы его творческой жизни. В своих «университетах» он забирал полными пригоршнями людские горести и радости, чтобы позднее обросли плотью замыслы его романов, повестей, рассказов. Один из секретов мастерства писателя в том и состоял, что он жадно впитывал в себя мудрость жизни, ничего не выдумывал и не брал из книг чужого.

Как часто поражали Горького «изломы» жизни, своеобразные чудачества судьбы. Жадно хватал он сцены, слова, устные рассказы, легенды. Бережно закреплял в памяти, а порой записывал. Годы скрывали от людей все интересное, поучительное — затагивали в прошлое. Он — сохранял для будущего.

«Мне сообщили на днях, — пишет он своему биографу Илье Груздеву, — что бывший чиновник Главного управления по делам печати цензор Багинский или Багринский ныне — бренд-майор одной из пожарных команд Ленинграда. Голубчик, Илья Александрович! Нельзя ли как-либо проверить — факт или анекдот? Ах, если б факт! Какая тема для рассказа!»

Как хочется ему, чтоб слух оказался правдой! Не успокоившись, через месяц снова напоминает Груздеву: «Нет, Вы представьте бывшего цензора, который на пожаре действует брендспойтом! Это анекдот российский. Жалко будет, если мне наврали».

Странно, почему же Горький не мог эту легенду «додумать», разработать на основе своей богатой фантазии? Мог. Но не захотел. Ведь жизненный факт нужен ему был не как «контравная точка», стимул к созданию рассказа или повести. В действительной жизни, а не в выдумке видел он почву для зерна. От жизни — зародыш замысла; в ней и зрелый колос...

ЧИТАЯ АНКЕТУ...

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. ГОРЬКОГО

Он сидел, облокотившись на край стола. Подбородок уперся в кулак — любимая поза. Хмурил брови, поглаживал усы. Тихо, задумчиво рассказывал случаи из своей жизни. Хотя тон был несколько однообразный, голос тягучий, но друзья, что собрались в кабинете писателя, сидели, не шелохнувшись. Перед ними проплывали волжские берега, сновали на пристанях вереницы крючников, бродили толпы трапичников, босьяков — обглоданного люда, живущего в обнимку с голодом...

Иногда Горький приподнимал голову и, осмотрев слушателей, обращался к ним со своим любимым словом-вопросом: «понимаете?». И тут же, отбросив спадающие на глаза длинные волосы, продолжал рассказ.

Кое-кто из друзей обратил внимание на нечто странное и, казалось, необъяснимое: одни и те же случаи, сцены в рассказах Алексея Максимовича выглядели каждый раз по-новому, с другой окраской, с несколько измененным сюжетом. И то, и не то. Почему так получалось? Знакомый писателя А. Н. Серебров правильно подметил: в этих вариациях Горький как бы выбирал, примерял материал для своих будущих произведений. Устные рассказы в какой-то мере органически входили впоследствии в его произведения.

«Составляется ли предварительный план и как он меняется?» На этот вопрос анкеты Горький ответил: «Плана никогда не делаю, план создается сам собою в процессе работы, его вырабатывают сами герои».

Он считал, что подсказывать действующим лицам, как они должны поступать, автору не следует: за него это сделает жизнь.

Своими замыслами писатель делился с друзьями очень редко. Перечитайте письма Горького и вы убедитесь: как мало рассказывал он о своих творческих планах. Только некоторых, да и то из самых близких людей, вводил он иногда в тайники своих мыслей. А чаще всего — односложные фразы: «Во всю силу пишу «Шпиона» — очень занимает меня сей рассказ», «Работаю — как тысяча чертей. Спина болит, волосы лезут, ослеп»,

«Работается живо, споро, как-то, недурно» и т. д.

Правда, И. А. Груздев так ухитрялся вести переписку, что Горький волей-неволей вынужден был отвечать на поставленные вопросы и быть в какой-то степени откровенным. Но это писателю надоело. Он заметил как-то: «Надоело мне вспоминать о прошлом; каждый раз, принимаясь за это, точно узкий сапог надеваешь: сапог-то хотя и совсем изношен, а все ногу жмет».

В анкете вопрос: когда он работает — утром, вечером, днем? Горький записал: «Работаю с 9 до часа, вечером с 8 до 12. Успешнее утром».

А пожалуй, точнее будет сказать, что творческая жизнь его в основном прошла под покровом ночи и не так легко установил он правильный режим, о котором писал, заполняя анкету.

Вот он под утро заканчивает рассказ «Тоска», просидев над ним всю ночь. Приехавший в Мануйловку к нему в гости Скиталец «тянется» за ним и работает ночи напролет. А Богданович записывал:

«Я старался выяснить, когда он работает, чтоб своими посещениями не мешать его работе. Оказалось, что он работает большей частью по ночам. Я пожурил его за этот нездоровый вид работы, но он,нисходительно улыбаясь, сказал, что так лучше пишется: никто не мешает».

Что заставляло Горького работать сутки напролет, не замечать день или ночь, утро или вечер за окном? Это можно назвать одним словом — одержимость. И талант Горький рассматривал как «любовь к работе, умение работать». Творческий процесс становился для него истинным, ничем не заменимым наслаждением.

Ночь. Тишина. Письменный стол. Рука как будто скользит по бумаге. Иногда, не дописав фразы, он останавливается и, не видя, смотрит прямо перед собой. Лицо сосредоточенно-спокойно, а в голове — мучительный процесс. Писатель погружен в таинственный, неведомый многим мир. Это мир творца, исследователя тайн человеческих душ, искателя веского слова, яркого образа, емкой фразы. Он весь в труде — Писатель и Человек!

Б ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат
филологических наук.